

реплетаются.

В этой книге Маргарита размышляла о прошлом, в том числе и о своем собственном, вспоминала о прожитом и пережитом. Поэтому нельзя не обратить внимания на сознательный автобиографизм «Гептамерона». Отразилось это, в частности, в фигурах рассказчиков. Всем им отысканы надежные прототипы. Так, считается, что Уазиль – это мать писательницы Луиза Савойская, Парламента – сама Маргарита, Ирган – ее муж Генрих д'Альбре и т. д. Но можно взглянуть и иначе: не наделила ли писательница всех своих персонажей или некоторых из них чертами своего характера, не передала ли им свои собственные сомнения и мысли, не нарисовала ли она сразу несколько автопортретов в разные периоды своей жизни? Если это так, то можно предположить, что Уазиль – это постаревшая Маргарита, когда ей уже за пятьдесят, то есть как раз в пору работы на книгой новелл; что Лонгарина – это все та же Маргарита, только молодая, недавно потерявшая своего первого мужа герцога Карла Алансонского; что Парламента – это опять Маргарита в период своего второго замужества. Итак, автопортрет Маргариты расщепляется, двоятся и троится, и это создает причудливую перспективу развития женского характера, где рядом с несколько показной бравадой молодости соседствуют возвышенные идеалы и еще неутраченные надежды зрелых лет и мудрая трезвость и уравновешенность старости.

Тем самым споры рассказчиков книги становятся в известной мере внутренними спорами, раздиравшими душу Маргариты, отражением ее колебаний и сомнений, но не в синхронном, а историческом аспекте. Такая повернутость к личности автора придает «Гептамерону» не просто автобиографический, но исповедальный характер.

При всем автобиографизме книги писательница наделила и себя, и своих воображаемых оппонентов целым комплексом индивидуальных черт, что делает из них живых людей, представителей определенных социальных кругов своей эпохи, очень конкретные, неповторимые характеры. В каждом из этих персонажей нельзя не отметить определенную временную «глубину». Ведь все они обладают своей собственно «предысторией». Далекой, о чем говорится мельком и которую можно реконструировать по отдельным фразам обсуждений и по самим рассказываемым новеллам, и недавней, о чем кратко, но красочно и драматично говорится в Прологе. Они разного возраста, несколько разного общественного положения, но главное – у них довольно-таки разные взгляды и тем более – характеры и темпераменты.

Но при всем этом рассказчики «Гептамерона» – люди одного круга, одного воспитания, сходных убеждений. Все они принадлежат к высшему обществу и с высокомерным безразличием относятся к своим слугам. Этот подчеркнутый аристократизм может вызвать удивление: эпоха Ренессанса обычно воспринимается нами как время ломки сословных перегородок и растущего демократизма. Между тем аристократизм Маргариты понятен: объяснение его – в самой природе ее книги. Писательница хотела быть правдивой в своих новеллах. Правдива она и в описании общества обрамления, то есть и тут рассказывает лишь о том, что видела и знала. И еще: книга эта обладает несомненной дидактической установкой, и ее адресатами являются прежде всего представители аристократических кругов.

Эта социальная избирательность очень тесно соединяет обрамление с самими новеллами. Впрочем, в последних картина жизни намного шире. Однако Маргариту вряд ли стоит считать дошным бытописателем своего времени. По ее книге можно, конечно, судить о том, как жили люди того времени, но в значительно большей степени о том, как они чувствовали и любили. Поэтому здесь нет новых героев – лихих авантюристов, смелых путешественников, оборотистых купцов. Нет и столь обычного для новеллистики Возрождения персонажа – ловкого плута, надувающего всех окружающих просто так, ради самого процесса надувания. В героях новелл Маргарита ценит не предприимчивость и находчивость, а силу чувства, его благородство и возвышенность, богатую внутреннюю жизнь. Этим в равной мере наделены как герои новелл, так и персонажи обрамления. Вот почему так мало в «Гептамероне» уличных сцен, изображения городского люда, его забот и забав. Куда чаще действие происходит в замке, причем не в бальной зале, а в укромном кабинете, оранжерее, спальне, на террасе или в парке, и участвуют в нем обычно двое – Дама и ее кавалер. Конечно, есть в книге и иные новеллы – с иным местом действия и иными героями, но указанное смещение акцентов в выборе ситуаций и действующих лиц, бесспорно, отличает сборник Маргариты Наваррской от других новеллистических книг эпохи Возрождения. Вот почему в «Гептамероне» интерес заметно перемещается с новелл на их обсуждения, и без последних сами новеллы теряют многое как в своей занимательности, так и в их идеологической нагруз-